

УДК 94(47).06:[325.11(470.55/.58-85)](=161.2)
DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-1

С. В. Джунджузов

ПЕРВОЕ ОРГАНИЗОВАННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ УКРАИНЦЕВ НА ЮЖНЫЙ УРАЛ: ЗАМЫСЛЫ, ПРЕТВОРЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ (1739–1745 гг.)

Аннотация.

Актуальность и цели. Со времени образования Оренбургская губерния испытывала недостаток населения. Одним из источников его пополнения, по мнению оренбургских властей, могли стать украинские переселенцы – черкасы. В статье рассматриваются малоизученные проблемы, связанные с организацией переселения, и обстоятельства, не позволившие украинским переселенцам создать прочные поселения в оренбургском пограничье.

Материалы и методы. Источниками для проведения исследования послужили материалы и документы, представленные в сборниках, посвященных истории Оренбургского казачества и истории российско-казахских отношений. Большой пласт материалов представлен в фондах Оренбургской комиссии и Оренбургской губернской канцелярии, Государственного архива Оренбургской области. Для определения степени достоверности и репрезентативности документального материала использовался метод критического анализа исторических источников.

Результаты. В процессе исследования были проанализированы нормативные акты, регулировавшие условия и порядок переселения украинцев на Южный Урал, выявлены места размещения и численность переселенцев. В силу экономических проблем и слабой защищенности Оренбургской пограничной линии большинство украинцев возвратились в Малороссию. Особое внимание уделяется деятельности оренбургской администрации по возвращению украинских казаков из киргиз-кайсацкого плена.

Выводы. Проект по переселению малороссийских казаков – черкас – не оправдал возлагаемых на него надежд. После нескольких лет нужды и лишения большинство из них предпочло вернуться обратно в Восточную Украину. Исключение составили несколько десятков семей, обосновавшихся за несколько сот верст от Оренбургской линии, в Самарском Поволжье, на реке Кинель. Невольно черкасы оказались в эпицентре обострения отношений правителя Младшего жуза хана Абулхаира и оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Пленение более восьмидесяти малороссийских казаков и последующий трехлетний «торг» по их освобождению также вписываются в историческую канву российско-казахских отношений и истории российской дипломатии XVIII столетия.

Ключевые слова: губерния, казаки, население, переселенцы, плен, указ, украинцы, фронтир.

© Джунджузов С. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания автора, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

THE FIRST ORGANIZED RESETTLEMENT OF UKRAINIANS TO THE SOUTH URALS: PLANS, IMPLEMENTATION, RESULTS (1739–1745)

Abstract.

Background. From the moment of its foundation, Orenburg province has had scarce population. One of the sources of its replenishment, according to the Orenburg authorities, could be Ukrainian immigrants – Cherkasy. The article considers poorly studied issues related to the organization of resettlement and the circumstances impeding Ukrainian migrants to establish lasting settlements in the Orenburg frontier.

Materials and methods. The research sources include the materials and documents presented in the collections on the history of the Orenburg Cossacks and the history of Russian-Kazakh relations. A large number of materials is represented in the collections of the Orenburg Commission and the Orenburg provincial office, the State archive of Orenburg region. The method of critical analysis of historical sources was used to determine the reliability and representativeness of the documentary material.

Results. In the course of the study were analyzed normative acts, regulating the procedure and conditions of resettlement of Ukrainians to the Southern Urals, identified the location and the number of immigrants. Due to economic problems and weak protection of the Orenburg boundary line, the majority of Ukrainians returned to Ruthenia. A special attention was paid to activities of the Orenburg administration on the return of the Ukrainian Cossacks from the Kirghiz-Kaisak captivity.

Conclusions. A project to relocate the Little Russian Cossacks of Cherkasy, had not meet the expectations. After several years of poverty and deprivation most of them chose to return to Eastern Ukraine. The exception was a few dozen families settled several hundred versts away from Orenburg in Samara, Volga region, on the river Kinel. Involuntarily Cherkasy were caught in the midst of worsening relations between the ruler of the Junior Zhuz Abulhair Khan and the Governor of Orenburg Neplyuev. The capture of more than eighty of the Little Russian Cossacks and the subsequent three-year “bargaining” for their release also fits into the historical fabric of Russian-Kazakh relations and the history of Russian diplomacy of the 18th century.

Keywords: province, Cossacks, population, immigrants, captivity, decree, Ukrainians, frontier.

Со времени образования в 1734 г. Оренбургской экспедиции и на протяжении всего дореволюционного периода Оренбургская губерния испытывала недостаток населения. Одним из источников его пополнения, по мнению оренбургских властей, могли стать украинские переселенцы, приписанные к казачьему сословию, которые в России вплоть до конца XVIII в. именовались черкасами.

Проблемы, связанные с переселением украинцев на Южный Урал, их последующей адаптацией и сохранением этнокультурной идентичности, не обойдены вниманием историков и краеведов. В контексте колонизации Оренбургского края первые украинские переселенцы упоминаются в трудах дореволюционных исследователей оренбургской истории: П. И. Рычкова,

В. Н. Витевского [1, 2]. Небольшое специальное исследование, посвященное малороссиянам, отправившимся в Оренбургский край в начальный период его заселения, было представлено Г. И. Перетяковичем в 1888 г. [3]. Источниковую базу этой работы составили материалы архива Министерства юстиции Российской империи. Наряду с анализом законодательных актов исследователем приводятся сведения о трудностях, с которыми сталкивались украинцы на долгом пути от Малороссии до Яика, дается статистика размещения черкас по населенным пунктам на Оренбургской линии. В последние десятилетия большой вклад в изучение истории «оренбургских украинцев» вносят сотрудники Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета. В 2010 г. А. Н. Молощенковым, аспирантом директора Института В. В. Амлина, была защищена кандидатская диссертация «Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития» [4]. В 2012 г. на ее основе А. Н. Молощенковым и В. В. Амлинным была написана книга «Украинцы на Южном Урале» [5]. Первый параграф книги содержит характеристику начального этапа освоения малороссиянами территорий Южного Урала. Большое внимание авторы уделяют причинам, помешавшим черкасам в 1740-х гг. создать на Южном Урале прочное поселение. Они, в частности, обратили внимание на то, что основную массу переселенцев составили малороссийские крестьяне, которые не смогли приспособиться к образу жизни яицких казаков – их занятиям и службе [5, с. 33]. Признавая заслуги оренбургских исследователей в изучении истории первого инициированного и организованного властями переселения украинцев в степное Оренбуржье, следует все же отметить, что авторы мало внимания уделяют их завышенным ожиданиям материальной поддержки со стороны оренбургской администрации. Кроме того, в книге отсутствует информация о судьбах переселенцев, захваченных в плен киргиз-кайсаками (казахами) Младшего жуза.

Источниками для проведения исследования послужили правительственные указы, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи», а также материалы и документы, представленные в сборниках, посвященных истории Оренбургского казачества [6] и истории российско-казахских отношений XVIII в. [7]. Большой пласт материалов, охватывающих весь спектр вопросов, связанных с переселением украинцев на Южный Урал, представлен в фондах Оренбургской комиссии и Оренбургской губернской канцелярии (ф. 2, 3), Государственного архива Оренбургской области.

Выходцы из Восточной Украины стали селиться на реке Яик (Урал) задолго до утверждения в завожских оренбургских степях российской администрации. Это могли быть бывшие запорожские казаки или беглые крестьяне, пополнявшие ряды яицких (с 1775 г. уральских) казаков. В ведомости, составленной на основе представленных полковником Захаровым переписей казаков Яицкого войска за 1723–1724 гг., в строке «из черкас» числилось 23 человека [8, с. 892].

По сведениям П. И. Перетяковича, основателями Илецкого городка были яицкие казаки «черкасской природы» Иван Никифорович Изюмский и Андрей Денисович Черкасов. И. Н. Изюмский стал первым атаманом Илецкого городка, а А. Д. Черкасов – есаулом. Достоверность этих сведений под-

тверждается ссылкой на прошение, адресованное начальнику Оренбургской экспедиции И. К. Кирилову [3, с. 12]. К 1 июля 1737 г. в городке проживало 60 украинских семей. В большинстве своем «илецкие черкасы» были казаками или казачьими сыновьями, в разное время добровольно примкнувшими к яицким казакам [5, с. 30].

Массовый приток украинцев на Южный Урал был санкционирован в конце 40-х гг. XVIII в. В Указе Коллегии иностранных дел от 20 августа 1739 г., адресованном начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту, князю В. А. Урусову, дозволялось селить в линейных крепостях всех «черкас, которые пожелают». Однако затем шло пояснение: на руках у переселенцев должны были быть паспорта с указанием, откуда они выехали и действительно ли являются черкасами. Выписка паспортов возлагалась на Малороссийскую генеральную войсковую канцелярию, а для казаков, состоявших на службе в слободских полках, – на канцелярию Комиссии слободских полков [9, л. 10 об.].

С поручением произвести запись «охотников» к поселению в оренбургском пограничье князь Урусов направил в Малороссию капитана Колачова, состоявшего на службе в ланд-милицком Алексеевском полку. Видимо рассказами о вольной жизни на безбрежных степных просторах Оренбургского края прельстилось немалое число украинских крестьян и казаков. К тому же стремление избавиться от панского гнета пересиливало страхи, связанные с переездом и обустройством на новом месте. Капитан Колачов обещал переселенцам следующее: «...на всякую душу для прокормления и прохода будет он давать жалования по два рубли мужскому полу, <...> и ежели кто чем должен, то того платить не будет» [10, с. 459]. Позднее Сенат потребовал взять у Колачова объяснение: на основании какого указа он намеревался покрыть украинским переселенцам дорожные и сопутствовавшие им расходы? В итоге Колачовских обещаний только из одной Глуховской сотни (административно-территориальная единица в гетмановской Украине – *С. Д.*) желание переселиться на берега Яика выразили 37 семей – 15 из казачьего и 22 из крестьянского сословия. Они должны были заменить приписанных ранее к Оренбургской комиссии беглых казаков, но об этом их вряд ли оповестили [6, с. 59].

Склонность служилого и податного украинского населения к перемене места жительства вызвало серьезные опасения в Генеральной войсковой канцелярии. Ее чиновники выяснили, что из 22 крестьянских семей, обратившихся за паспортами, 16 из одного села и одного владения. Всего же в этом селе, без учета подселенных, проживало 26 семей-старожилов. В результате после отъезда переселенцев село теряло более половины своих жителей. Малороссийская канцелярия, чтобы не допускать распространения «переселенческой вольницы», решила подвергнуть ее численной регламентации. В противном случае земельные владения малороссийских помещиков могли остаться без работников. Со своей стороны малороссийские власти предлагали правительству объявить капитану Колачову, что из одного владения с числом 10–20 семей к переселению допускается не более десятой части, т.е. одна-две семьи. Правительствующий сенат поддержал требование Малороссийской канцелярии, несколько увеличив процентное соотношение переселен-

цев: для крестьян – до четвертой части из одного села, для слободских казаков – до четверти от одной сотни [11, с. 117, 118]. Правительство настаивало на добровольности переселения, запрещало чинить препятствия переселенцам в получении разрешения на выезд и на продажу имущества и обязывало не обкладывать их за это дополнительными налогами [10, с. 459].

В 1741 г. в Татищевой и Чернореченской крепостях, располагавшихся по берегам Яика, и Илецком городке было расквартировано 209 семей украинских переселенцев. 849 малороссиян записались в казаки. Первые две крепости были основаны в 1738 г. Чернореченская получила название от реки Черной, Татищевская, основанная в 1735 г. как Камыш-Самарская, была переименована и названа в честь начальника Оренбургской комиссии – В. Н. Татищева. Первыми их жителями были солдаты и не состоявшие на жаловании казаки. В 1742 г. малороссийские казаки во главе с атаманом Андреем Светличным перешли на урочище Рассыпное, где основали поселок, который после строительства укреплений и учреждения гарнизона стал именоваться крепостью Рассыпной. Через год часть из них перешли на жительство в располагавшуюся недалеко от Оренбурга Нежинскую слободу, где в относительной безопасности занялись хлебопашеством [6, с. 61].

Однако проживание украинских переселенцев в Оренбургском ведомстве не задалось. Не прошло и двух лет со времени их водворения, как начались их ходатайства о возвращении на родину. 8 марта 1744 г., на основании представления первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева (до 1744 г. – начальник Оренбургской комиссии), из Правительствующего сената последовал Указ, дозволявший 986 черкасам обою пола из Татищевой, Чернореченской крепостей и Нежинского редута возвратиться в Малую Россию. Черкасам, жившим в Рассыпной крепости, Губернская канцелярия, основываясь на их же прошении, разрешила перейти на реку Кинель и поселиться обособленной слободой [1, с. 79].

Как же могло случиться, что в условиях катастрофической нехватки людей, когда регулярное население губернии формировалось из разного людского «сброда», в том числе криминального – беглых крестьян, ссыльных, каторжных, И. И. Неплюев сам отказался от услуг украинских поселенцев? Как следует из официальных документов, причины носили главным образом материальный и социально-адаптационный характер. На первое место Правительство, естественно, ставило материальные расходы, связанные с переселением и содержанием черкас в приграничных крепостях. Переселенцы, как подчеркивала Губернская канцелярия, пребывали «в совершенной бедности». Поэтому сверх ссуды, выделенной им до 1742 г. на переезд, предписывалось продолжать выдачу провианта и ежегодного жалования по 4 руб. на мужскую душу. Выплаты продолжились и после вступления в управление Оренбургским краем И. И. Неплюева. Губернатор надеялся привести черкас в «единожды прочное состояние», что должно было побудить к переселению из Малороссии их родственников и соседей. Но время шло, а украинские переселенцы продолжали нуждаться в продовольственной помощи. Большая часть из них, став яицкими казаками, получали ежемесячное жалование. В качестве дополнительного пособия они продолжали требовать выдачи казенного хлеба на жен и детей. К тому же малороссийские казаки оказались неспособными самостоятельно противодействовать грабительским набегам киргиз-кайсац-

ких (казахских) кочевников, угонявших скот и уводивших в плен захваченных жителей приграничных селений. И. И. Неплюев был вынужден за счет дополнительных ассигнований в крепостях, заселенных черкасами, размещать контингенты регулярных и нерегулярных войск.

Когда расходы на украинских поселенцев превысили 30 тыс. руб., И. И. Неплюев решил кардинально изменить условия их пребывания в приграничных крепостях или вовсе отказаться от их присутствия в Оренбургском крае. Через нарочных офицеров черкасам были сделаны несколько предложений, которые сводились к следующему: 1) им разрешалось остаться на казачьей службе с четырехрублевым годовым жалованием при условии, что они не будут требовать провианта и другого казенного снабжения; 2) им предлагалось заняться промыслами или наниматься на работы. В таком случае им гарантировался заработок из расчета две, а в Оренбурге – три копейки в день и дополнительный провиант; 3) они могли оставаться на собственном содержании без всякой службы; наконец, 4) им позволялось переселиться в другие, находящиеся в отдалении от пограничной линии, «по доброту тамошних земель», места [12, с. 34, 35].

Украинские поселенцы отвергли все предложенные условия. Как выяснилось, они желали лишь одного: вернуться на родину – в Малороссию. Украинские жители Нежинской слободы стремление к отъезду объясняли тем, что при недороде хлебов и обязанности исполнять подводную и почтовую гоньбу, без выдачи провианта, на один лишь четырехрублевый оклад они со своими семьями содержаться не смогут. Их земляки из других населенных пунктов соглашались оставаться на берегу Яка, нести казачью службу и казенные повинности с тем условием, что их жалование увеличится до 12 руб. Якобы такую ежегодную выплату им в свое время обещал капитан Колачов. И. И. Неплюев счел такие требования необоснованно завышенными и предложил Правительству удовлетворить пожелание малороссийских казаков вернуться на родину или поселиться вдали от пограничной линии. «Понеже де от жительства их при самой границе никакой пользы не предвидится, но паче и опасно, чтоб их, неосторожных и слабых людей киргис-кайсаки незапными набегами не растаскали» [12, с. 36].

Сенатским указом от 6 марта 1744 г. прошение оренбургского губернатора было удовлетворено. 986 черкас были отпущены обратно в Малороссию. 46 семей из крепости Рассыпной решили откликнуться на предложенное губернской канцелярией место и поселиться на реке Большой Кинель, где ими была основана Кинель-Черкасская слобода [6, с. 67], ныне село Кинель-Черкассы – районный центр в Самарской области.

Однако далеко не для всех украинских переселенцев неудачная поездка в степной Оренбургский край завершилась благополучным исходом. В 1743 г. киргиз-кайсаки захватили и вывезли в свои кочевья 82 жителя крепости Рассыпной. Вину за нападение на украинских и русских поселян И. И. Неплюев возложил на хана Младшего жуза (Меньшей орды) Абулхаира, который, якобы, таким образом мстил «за неотдачу» содержащегося в аманате сына. К тому же, чтобы усилить впечатление о преступных действиях хана, начальник Оренбургской комиссии подчеркивал, что в разбойном нападении участвовали «воровские партии от Меньшей орды Абулхаирхановой, да и то не ото всей, яко большая часть и лутшие старшины оному неучастны». Там же гово-

рилось, что владельцы и старшины Средней орды, за немногими подлыми людьми, в «воровстве и злодействе» не участвовали [7, с. 343]. В результате черкасы оказались заложниками не только степных разбойников, но и в целом политической ситуации, вызванной враждой И. И. Неплюва и хана Абулхаира. Их судьба теперь определялась посредством взаимных угроз, требований, договоренностей и уступок.

С управлением Оренбургским краем И. И. Неплюева И. В. Ефремова связывает становление базовых принципов колониальной стратегии Российской империи в казахских жузах. Оренбургский губернатор стал жестко и решительно проводить политический курс, направленный на полное подчинение казахских правителей государственному аппарату Российской империи. После переговоров, проведенных с Абулхаиром в августе 1742 г., у начальника Оренбургской комиссии сложилось крайне негативное мнение как о личностных качествах правителя Младшего жуза («продерзливый», «высокомерный» и «хитрый»), так и о его искреннем желании содействовать российским интересам [13, с. 366]. Стремлению хана объединить под своей властью с помощью России киргиз-кайсаков всех трех или по крайней мере Младшего и Среднего жузов И. И. Неплюев противопоставлял тактику поддержки «баланса сил». Она заключалась в оказании знаков внимания и обещании поддержки султанам и батырам, не желавшим подчиняться хану Абулхаиру. Как личное унижение воспринимал Абулхаир и содержание в аманате, а иными словами в заложниках, своего сына Кожаметта. Его многочисленные неудачные попытки договориться с Неплюевым о замене Кожаметта другим сыном Чингисом, рожденным от калмыцкой наложницы, воспринимались в общественном сознании народа как показатель бессилия и невысокого международного престижа хана [13, с. 369]. Ответными шагами степного правителя были разбойные нападения, грабеж и пленение российских подданных. Вину за их совершение Абулхаир перекладывал на своих «легкомысленных» подданных или правителей неподвластных ему родов.

Первой реакцией Оренбургской комиссии, а с ее подачи и Правительственного сената, стала поддержка силового воздействия на киргиз-кайсацкого хана и его подданных. В Сенатском указе от 20 сентября 1743 г. посылка в Киргизскую степь воинских команд обосновывалась необходимостью устранивания преступников и возмездия: «...по их легкомыслию, ежели ныне никакого отмщения не учинить, то злодеи время от времени будут примножаться и малыми авантажами весь народ на противности могут возбудить» [7, с. 293]. В то же время Сенат предупреждал, что карательные действия против степных кочевников должны были проводиться не от имени государства, а по инициативе отдельных этнических и сословных сообществ: казаков, калмыков, т.е. всех тех российских подданных, которые непосредственно понесли ущерб от кайсацких набегов.

Так как черкасы, переселившиеся из Илецкой крепости на урочище Рассыпное, были приписаны к Яицкому казачьему войску, то и мстить за их пленение должны были яицкие казаки. Войсковому старшине дозволялось отобрать в необходимом количестве для похода в степь хорошо подготовленных, обеспеченных лошадьми казаков. Перед ними ставилась задача не только отгонять табуны лошадей, но и еще более стараться захватить как можно больше людей. По убеждению российских властей такая силовая акция

должна была вынудить киргиз-кайсацких старшин вернуть пленных, а в их народе поселить страх и надлежащее подданным состояние повиновения. На случай неизбежных со стороны киргиз-кайсацких правителей жалоб на жестокость казаков для Оренбургской комиссии была сформулирована универсальная отговорка: «яицкие казаки учинили то собою без указа за их обыды, по своему обыкновению» [7, с. 293].

Будучи здравомыслящим и искусным дипломатом, Абулхаир осознавал последствия перерастания его претензий к Оренбургской администрации в межгосударственный конфликт. Вину за сложившуюся ситуацию он поспешил переложить на И. И. Неплюева. В письме к Елизавете Петровне от 22 сентября 1743 г. хан представлял дело так, будто начальник Оренбургской комиссии ему не доверяет, а все возникающие между ними недоразумения предпочитает разрешать угрозами и применением силы [7, с. 299].

В подтверждение своих верноподданнических чувств и обязательств ханом Младшего жуза уже в сентябре была направлена в Петербург представительная делегация. Камнем преткновения в отношениях России с правителями киргиз-кайсаков неизменно оставалось требование возвращения из их кочевий всех находящихся в неволе российских пленников. Хан Абулхаир никогда не признавал своей причастности к захвату и разорению приграничных жителей. Более того, во время визитов, переговоров или в переписке с представителями российских властей разных уровней он неизменно подчеркивал свою заинтересованность в возвращении россиян на родину. Таким образом, создавалась ниша для ведения переговорного процесса об условиях освобождения российских пленников.

22 сентября в Оренбург прибыли ханские посланцы, возглавляемые старшиной Кутыр-батыром. Сопровождавший посольство квартирмейстер Моисеев вывез из киргизской неволи 19 черкас, освобожденных по повелению Абулхаира. И. И. Неплюев усматривал в поступке хана не проявление благородства, а один лишь лицемерный расчет. Он известил Коллегию иностранных дел о том, что хан сам подстрекал свой народ к разбойным нападениям: «...но сам себя при всем том так оставил, что он ныне учиненные от злодеев поступки в засвидетельствование своей верности употребить старается. Ибо прежде являл, что на все то народ, не послушав ево, поступили, а ныне старается и всякое усердие изъясняет, чтоб пленных людей всех собрать и освободить и народ свой утверждать окажется» [7, с. 303].

Другим аргументом, заставлявшим хана Абулхаира стать более сговорчивым, было задержание яицкими казаками четырнадцати знатных киргиз-кайсаков. Об освобождении некоторых из них хан просил И. М. Неплюева лично. Однако, следуя разработанному ранее сценарию, степному правителю было заявлено, что удовлетворение его просьбы не относится к компетенции Оренбургской комиссии. Ему нужно вести переговоры непосредственно с командованием Яицкого казачьего войска. А яицкие казаки киргизских заложников отпускать не хотят и будут держать до тех пор, пока все плененные на реке Илек черкасы, к ведомству их Войска принадлежащие, не будут собраны и освобождены.

Для еще большего давления на Абулхаира И. И. Неплюев предложил Коллегии иностранных дел из ханских посланцев разрешить вернуться одному Кутыр-батыру, а трех его спутников под благовидным предлогом задер-

жать в Москве. Как и киргиз-кайсаки, плененные яйцкими казаками, ханские дипломаты должны были оставаться в России до полного освобождения всех пленных их родственниками россиян [7, с. 305].

В тех случаях, когда возникали ситуации с новыми захватами российских подданных и затруднения с их освобождением, И. И. Неплюев неизменно переходил к воинственной риторике. Так продолжалось вплоть до смерти хана Абулхаира в 1748 г. В Указе из Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1747 г. приводится следующее предложение оренбургского губернатора: «...возможно одними яйцкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца и тем их в страх привести. И хотя в таком случае правого с виноватым разобрать невозможно, но иных средств освободиться от их беспокоеств нет» [14, л. 18 об.]. Однако исполнены эти угрозы не были.

В практике задержания заложников – баранте – И. И. Неплюев вскоре разочаровался. Захват яйцкими казаками киргизских заложников, предпринятый в ответ на пленение черкас, по его мнению, не привел к ожидаемому освобождению последних. Несколько лет содержались киргиз-кайсаки в казачьем плену. За это время из четырнадцати человек двое умерли. Войсковая администрация, не находя в удержании заложников никакой пользы, с согласия губернатора приняла решение об их освобождении. Следуя своим убеждениям в отношениях с киргиз-кайсаками, И. И. Неплюев предлагал брать пример с волжских калмыков и джунгарского владельца, который «всегда с ними не барантою, но военною рукою управляется» [15, л. 99, 99 об.].

Совершенно иначе оценивала опыт применения баранты Коллегия иностранных дел. По ее мнению, задержание четырнадцати заложников яйцкими казаками и трех ханских посланцев в Москве обеспечило в 1743–1745 гг. вызволение из Киргиз-кайсацкой орды 57 российских подданных. Из Москвы и Войска яйцкого заложники были отпущены лишь тогда, когда стало очевидно, что освобождать уже больше некого [15, л. 102]. По сведениям губернской канцелярии, плененных черкас в Младшем жузе могло еще оставаться не более десяти человек. Однако отыскать их И. И. Неплюев уже не надеялся, «ибо между захваченными были престарелые, малолетние, также и сущие младенцы, из коих, как слышно, большая часть померли или в другие владения проданы» [7, с. 319].

Давление, оказываемое на хана и его окружение взятием в заложники представителей родовой знати, служило гарантией безопасности порученцев оренбургского губернатора, направлявшихся в ханскую ставку для ведения переговоров, разведки и поиска российских пленников. В 1744 г. с таким поручением командировался к Абулхаир-хану казачий урядник Федор Найденов. В отчете Оренбургской губернской канцелярии он указал, что Абулхаир взял его в поездку по улусам и более месяца занимался поиском плененных под Гурьевом калмыков и русских. Кроме 11 калмыков ему удалось отыскать и вывести в Оренбург двух черкас – мужчину и женщину – и одного ясачного татарина из Уфимского уезда [16, л. 261].

Итак, проект по переселению малороссийских казаков – черкас – не оправдал возлагаемых на него надежд. После нескольких лет нужды и лишений большинство из них предпочло вернуться обратно в Восточную Украину – Малороссию. Исключение составили несколько десятков семей, обосновавшихся за несколько сот верст от Оренбургской линии, в Самарском Повол-

жье, на реке Кинель. Само по себе краткое пребывание украинских переселенцев на Яике не стало знаковым событием в истории Оренбургского края. Однако в процессе его изучения был затронут комплекс проблем, относящихся к фронтальной политике Российской империи в Южно-уральском регионе. Они проявлялись в сложностях с поиском подходящих людей для формирования населения приграничного региона и обеспечения его безопасности. Невольно черкасы оказались в эпицентре обострения отношений правителя Младшего жуза хана Абулхаира и оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Пленение более восьмидесяти малороссийских казаков и последующий трехлетний «торг» по их освобождению также вписываются в историческую канву российско-казахских отношений и истории российской дипломатии XVIII столетия.

Библиографический список

1. **Рычков, П. И.** История Оренбургская (1730–1750) / П. И. Рычков. – Оренбург : Типо-литография Ив. Ив. Ефимовского-Мировицкого, 1896. – 95 с.
2. **Витевский, В. Н.** И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : монография : в 2 т. / В. Н. Витевский. – Казань : Типо-литография В. М. Ключникова, 1897. – Т. 1–2. – 616 с.
3. **Перетяткович, П. И.** Малороссияне в Оренбургском крае при начале его заселения (по рукописным документам архива Минист. Юстиции): памяти В. П. Маслова / П. И. Перетяткович. – Одесса : Типография А. Шульце, 1888. – 25 с.
4. **Молощенков, А. Н.** Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Молощенков А. Н. – Москва, 2010. – 19 с.
5. **Амелин, В. В.** Украинцы на Южном Урале / В. В. Амелин, А. Н. Молощенков. – Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2012. – 190 с.
6. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска: хронологический перечень. – Оренбург : Тип. О. Яковлева, 1912. – Вып. 7. – 472 с.
7. Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках : сб. документов и материалов / Академия наук Казахской ССР. – Алма-Ата : АН Казахской ССР, 1961. – 741 с.
8. **Карпов, А. Б.** Уральцы. Исторический очерк. Часть 1-я. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.) / А. Б. Карпов. – Уральск : Войсковая типография, 1911. – 1013 с.
9. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. Т. XI: 1740–1743. – № 8111. – Санкт-Петербург, 1825. – С. 117, 118.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. Т. XI: 1740–1743. – № 8421. – Санкт-Петербург, 1825. – С. 459.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е : в 45 т. Т. XII: 1740–1744–1748. – № 8887. – Санкт-Петербург, 1825. – С. 33–36.
13. **Ерофеева, И. В.** Хан Абулхаир – полководец, правитель, политик / И. В. Ерофеева. – Алма-Ата : Дайк-Пресс, 2007. – 484 с.
14. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.
15. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.
16. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8.

References

1. Rychkov P. I. *Istoriya Orenburgskaya (1730–1750)* [The History of Orenburg (1730–1750)]. Orenburg: Tipo-litografiya Iv. Iv. Efimovskogo-Mirovitskogo, 1896, 95 p. [In Russian]

2. Vitevskiy V. N. *I. I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.: monografiya: v 2 t.* [I. I. Neplyuev and Orenburg region in its former composition before 1758]. Kazan: Tipo-litografiya V. M. Klyuchnikova, 1897, vol. 1–2, 616 p. [In Russian]
3. Peretyatkovich P. I. *Malorossiyanе v Orenburgskom kraе pri nachale ego zaseleniya (po rukopisnym dokumentam arkhiva Minist. Yustitsii): pamyati V. P. Maslova* [The Little Russians in Orenburg region at the beginning of its settlement (on the basis of manuscripts of the archive of the Ministry of Justice)]. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse, 1888, 25 p. [In Russian]
4. Moloshchenkov A. N. *Pereselenie ukraintsev na Yuzhnyy Ural i problemy ikh etnokul'turnogo razvitiya: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Resettlement of Ukrainians to the South Urals and the issues of their ethnic cultural development: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Moscow, 2010, 19 p. [In Russian]
5. Amelin V. V., Moloshchenkov A. N. *Ukraiintsy na Yuzhnom Urale* [Ukrainians in the South Urals]. Orenburg: Izd. tsentr OGAU, 2012, 190 p. [In Russian]
6. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego voyska: khronologicheskiy perechen'* [The materials on a historical and statistical description the Orenburg Cossack Army: a chronological list]. Orenburg: Tip. O. Yakovleva, 1912, iss. 7, 472 p. [In Russian]
7. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVII–XVIII vekakh: sb. dokumentov i materialov* [Russian-Kazakh relations in the 17th–18th centuries: collected documents and materials]. Akademiya nauk Kazakhskoy SSR. Alma-Ata: AN Kazakhskoy SSR, 1961, 741 p. [In Russian]
8. Karpov A. B. *Ural'tsy. Istoricheskiy ocherk. Chast' I-ya. Yaitskoe voysko ot obrazovaniya voyska do perepisi polkovnika Zakharova (1550–1725 gg.)* [Urals settlers. A historical essay. Part 1. The Yaik army from the origin to the census by colonel Zakharov (1550–1725)]. Uralsk: Voyskovaya tipografiya, 1911, 1013 p. [In Russian]
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO)* [State Archive of Orenburg region (GAOO)]. F. 2. Op. 1. D. 4. [In Russian]
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1-e: v 45 t. T. XI: 1740–1743. № 8111* [Complete collected laws of the Russian Empire. Collection 1: in 45 volumes. Vol. 11: 1740–1743. No. 8111]. Saint-Petersburg, 1825, pp. 117, 118. [In Russian]
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1-e: v 45 t. T. XI: 1740–1743. № 8421* [Complete collected laws of the Russian Empire. Collection 1: in 45 volumes. Vol. 11: 1740–1743. No. 8421]. Saint-Petersburg, 1825, p. 459. [In Russian]
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1-e: v 45 t. T. XII: 1740–1744–1748. № 8887* [Complete collected laws of the Russian Empire. Collection 1: in 45 volumes. Vol. 11: 1740–1744–1748. No. 8887]. Saint-Petersburg, 1825, pp. 33–36. [In Russian]
13. Erofeeva I. V. *Khan Abulkhair – polkovodets, pravitel', politik* [Khan Abulkhair – commander, ruler, politician]. Alma-Ata: Dayk-Press, 2007, 484 p. [In Russian]
14. *GAOO*. F. 3. Op. 1. D. 14.
15. *GAOO*. F. 3. Op. 1. D. 19.
16. *GAOO*. F. 3. Op. 1. D. 8.

Джунджузов Степан Викторович
 доктор исторических наук, доцент,
 профессор кафедры истории России,
 Оренбургский государственный
 педагогический университет (Россия,
 г. Оренбург, ул. Советская, 19)

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich
 Doctor of historical sciences, associate
 professor, professor at the sub-department
 of Russian history, Orenburg State
 Pedagogical University (19 Sovetskaya
 street, Orenburg, Russia)

E-mail: Djund@yandex.ru

Образец цитирования:

Джунджузов, С. В. Первое организованное переселение украинцев на Южный Урал: замыслы, претворение, результаты (1739–1745 гг.) / С. В. Джунджузов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 3–14. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-3-1.